

Февраль 2018

КОНСТАНТИН ОРБЕЛЯН: «Я находился рядом с Хворостовским последние 17 лет его жизни»

В конце прошлого года мир потрясла печальная новость о смерти великого оперного певца Дмитрия Хворостовского, который последние два с половиной года боролся со страшным недугом. Одним из близких друзей и коллег Дмитрия Хворостовского был художественный руководитель Армянского академического театра оперы и балета им. Спендиарова Константин Орбелян. Он на лучших сценах мира находился рядом с Хворостовским последние 17 лет его жизни. Даже в момент, когда врачи озвучили артисту его диагноз, Орбелян находился рядом с ним. Константин Гарриевич поддерживал своего друга во время болезни. Они продолжали концерттировать и записываться вместе и, как результат, - последний совместный диск Дмитрия Хворостовского, выпущенный в июле прошлого года был выдвинут американской академией звукозаписи на премию «Грэмми». К сожалению, эта новость стала известна в день похорон Хворостовского. Это интервью Константина Гарриевича Орбеляна посвящено памяти его друга - замечательного артиста и человека Дмитрия Хворостовского.

Я до сих пор не могу поверить, что этого могучего человека больше нет.

Дмитрий Хворостовский был исключительно важной персоной в моей жизни. Я до сих пор не могу вспоминать о нем без слез. Для меня было огромным счастьем стоять рядом с ним на одной сцене, записываться и дружить с ним. Каждая наша совместная репетиция и каждый совместный концерт были настоящим откровением. Начиная с 2000 года я дирижировал,

практически, на всех его концертах, мы вместе записали более 15-ти компакт дисков. В начале нашего знакомства он сам изъявил желание работать со мной и я был несказанно рад этому. Ему было удобно работать со мной. Мы вместе проколесили с концертами всю Россию, ездили по всему миру - Париж, Лондон, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анжелес. Я был свидетелем всех его побед, сопровождал его на самых важных концертах его жизни. Мы подружились сразу же, как стали работать вместе. С тех пор мы по жизни шли вместе, нога в ногу. Мы проводили вместе шесть месяцев в году. Я до сих пор никак не могу поверить, что этого могучего красивого талантливого человека больше нет.

«Значит, мы навсегда будем друзьями!»

Впервые я услышал Дмитрия Хворостовского в 1987-ом году в Нью-Йорке, куда он приехал в ряду молодых артистов, премиантов музыкальных конкурсов в России. Дима как раз в 1986-ом году получил премию Глинки в Баку. Впоследствии, он всегда с большим теплом вспоминал Баку и этот конкурс, где, кстати, было очень много армян. На концерте в Нью-Йорке Дмитрий пел совершенно феноменально. На тот концерт меня привела мой педагог Нина Светланова, которую, в свою очередь, пригласила ее подруга - концертмейстер Большого театра Ирина Архипова - один из организаторов американских гастролей молодых российских артистов. Все артисты прекрасно выступали, но когда на сцену вышел этот молодой, невероятно красивый, с уникальным голосом человек, мы поняли, что присутствуем при рождении ярчайшей звезды. Предчувствия сбылись, - через год Хворостовский получил премию «Лучший голос» на телевизионном конкурсе BBC «Певец мира», который проходил в британском городе Кардифф. Так начиналась триумфальная победоносная карьера одной из ярчайших звезд мировой оперы наших дней.

Лично с Хворостовским мы познакомились в 1999-ом году. Я приехал в Советский Союз, где в 1990-ом году возглавил Государственный камерный оркестр СССР. Дима как раз в это время переехал жить в Лондон, но он часто давал концерты в Большом зале Консерватории, на которые мне не удавалось попасть из-за частых гастролей. Зато я подгонял свои поездки в Нью-Йорк так, чтобы быть на его спектаклях. Я был на его первом спектакле в Нью-Йорке, где он пел «Пиковую Даму» с Плачидо Доминго и Галиной Горчаковой. Это было совершенно феноменально! Я старался не пропускать ни один его спектакль. Но за кулисы поздравлять артиста после спектакля никогда не лез. А в 1999-ом году в Петербурге на конкурсе Римского-Корсакова я познакомился с его агентом Марком Хилдрю. Так получилось, что в это время звукозаписывающая компания «Филлипс», где записывался Хворостовский и многие другие русские артисты, в том числе, Гергиев, прекратила свое существование. Я тогда уже сотрудничал с очень хорошей звукозаписывающей фирмой «Делос». Марк обратился ко мне в связи с этим, и мы оказались первыми, с кем он поговорил. Я ответил, что что мы заинтересованы в сотрудничестве и мы будем писать все, что захочет делать Хворостовский.

Марк пригласил нас 4-ого октября в Нью-Йорк в Линкольн Центр, где Дима должен был петь с Рене Флеминг в концерте, который транслировался на всю Америку. После концерта, когда разошлись все почитатели таланта Хворостовского и осталась только его молодая жена красотка Флоранс, я подошел к нему. Я представился. Он сказал, что знает меня. Между нами состоялся такой диалог:

- Когда вы приехали? – спросил он.

- Сегодня.

- И сколько пробудете здесь?

- Завтра улетаю.

- Откуда вы прилетели?

- Из Москвы.

- А куда летите?

- Обратю в Москву.

- Выходит, вы приехали сюда только для того, чтобы меня услышать?

- Да!

- Значит, мы навсегда будем друзьями! – сделал заключение Хворостовский.

Собственно говоря, так и получилось. К сожалению, это продлилось только 18 лет, а мне бы хотелось, чтобы это было бесконечно долго.

Я находился рядом с Хворостовским последние 17 лет. Шесть месяцев в году мы были вместе. Дружили семьями, вместе отдыхали, ну, и, конечно, нас связывала работа. Мы давали по 30 – 40 концертов в год, записывались в студии звукозаписи. За эти годы мы выпустили 20 компакт дисков. Это огромный пласт труда. Я видел этого человека совершенно с разных сторон. Он был тысячепроцентный музыкант и человек и всегда давал своей публике эту тысячу процентов.

Я был вместе с ним, когда он узнал свой диагноз.

В Армении в последний раз мы с ним были 12 мая 2015-ого года на специальном концерте с ансамблем МВД под руководством генерала Елисеева для ветеранов войны, который проходил под патронажем первой леди в присутствии президента Армении. Это было незадолго до того, когда Дмитрий узнал свой диагноз.

Я был вместе с ним, когда ему об этом сказали. Весь май он чувствовал проблемы с вестибулярным аппаратом, но думал, что у него воспаление среднего уха или что-то в этом роде. Мы вместе поехали в больницу, где его проверили и сказали, что у него все нормально с ушами. Для выяснения проблемы ему предложили сделать МРТ, а после того, как он его прошел, врачи сказали, что у него очень серьезная опухоль, которая расположена в таком месте, что операция невозможна. Дима был победителем по своей натуре. Вначале он этот диагноз просто не принимал. Это была нормальная реакция любого человека, который получает такой диагноз. Я видел его лицо при этом и понимал, что он чувствует. Мы все не могли предположить такое даже в самом страшном сне. Он был могучим человеком, никогда не болел. Я не помню его гриппующим или с какими-либо другими проблемами со здоровьем. Как так могло получиться, что ни с того ни с сего у него появилась эта болезнь? Дмитрий сразу сказал, что будет бороться и приложит все силы для излечения. Он боролся до последнего и выполнял все рекомендации врачей.

Хворостовский продолжал работать. За первый год лечения он не отменил ни одного концерта. Практически, все концерты, которые у нас были намечены на этот год, он дал. Отменять концерты он начал уже на втором году болезни, когда у него начались осложнения. Последнюю химию он получил в июле месяце. Он еще не знал, что это будет его последняя химия. За время болезни он внешне не изменился, что для него было очень важно.

Последний его сольный концерт состоялся в его родном Красноярске 2-го июня, когда ему уже было совсем плохо. Невозможно вспоминать об этом без слез, это было невероятно трогательно. Весь концерт у меня наворачивались слезы на глаза.

Мы уже понимали, что он уходит. Я поехал к нему проститься сразу же после своего концерта в Большом зале Московской консерватории, который состоялся 18-го ноября. На следующий же день в шесть утра я вылетел в Лондон, где пробыл последние три дня его жизни. Я успел попрощаться с ним. В последний раз я видел его в девять вечера, а в 3:30 утра его не стало.

Хворостовский любил армян.

У него было много друзей в Армении. Одним из его любимых друзей был наш знаменитый Гегам Григорян. Он его обожал и всегда был счастлив работать с ним. Другим его близким другом был Барсег Туманян. Эти два человека сыграли большую роль в его жизни. Они были настоящими друзьями. Барсега он обожал, они не просто дружили, но и состояли в одном агентстве и пели вместе. С Гегамом Григоряном они пели достаточно много в Мариининском театре и Метрополитен Опера. Я был в Японии на их спектакле «Война и Мир». Они достаточно много записывались вместе. 12-го мая 2015-го года, когда

Хворостовский в последний раз был в Армении, был день рождения Асмик Григорян, дочери Гегама. После концерта мы вместе пошли к Гегаму домой, и Дмитрий там сидел чуть ли не до четырех утра, а на следующий день он вылетел в Лондон. Так получилось, что в 2016-ом году он спел с Асмик Григорян оперу Рубинштейна «Демон». Он получил огромное удовольствие от работы с дочерью своего друга, великолепнейшей артисткой с уникальным голосом и темпераментом, трогательнейшей певицей. Он ее очень любил. В октябре 2015-го года мы записали диск, который вышел под названием «Хворостовский поет о Жизни и Смерти, Мире и Войне», где Асмик поет вместе с ним последнюю сцену из «Демона» и первую сцену из оперы Прокофьева «Война и мир». Потом был их совместный концерт в Москве в зале Чайковского Московской филармонии. Этот концерт можно увидеть на их сайте.

Если говорить об отношении Хворостовского к Армении, то, могу сказать, что он любил армян. В том числе, он хорошо относился ко мне, к моим родителям, к моему дяде.

В советские времена он ни разу не был в Армении. Впервые он приехал в Армению на концерт в честь 15-летия республики. Он был гостем мероприятия и в качестве зрителя сидел в первом ряду вместе с женой и детьми. А весь зал смотрел на него в надежде, что он что-то споет. Он поднялся на сцену и исполнил потрясающую песню «Прощай, радость», которой он всегда заканчивал все свои концерты. В следующий раз он приехал в Армению с сольным концертом, на котором выступал мой дядя. И он спел вместе с ним его песню «Шум берез». Для обоих это была очень приятная встреча. Он обожал моего дядю и мой дядя отвечал ему тем же. Дяде было очень приятно, что Хворостовский исполняет его песню «Шум берез» по всему миру, что он ее записал и включил в свой репертуар. Дмитрий также исполнял произведения Бабаджаняна, он обожал его музыку. Если вспоминать друзей-армян Хворостовского, то невозможно не упомянуть его лучшего друга – певца, армянина родом из Баку, который переехал в Сиэтл. Хворостовский постоянно общался с ним.

Музыкальное завещание Хворостовского, выдвинутое на Грэмми.

Одна из первых вещей, которую он мне сказал, когда узнал о своем диагнозе, это то, что нам нужно записать цикл Свиридова «Отчалившая Русь» на стихи Сергея Есенина. Я сразу же заказал оркестровку. Она делалась достаточно долго. Это была кропотливая работа, потому что музыка очень серьезная. Ровно через год, в июне месяце мы записали оперу «Риголлето» в Каунасе, а потом приехали в Санкт-Петербург и там записались с Государственным симфоническим оркестром Санкт-Петербурга. В записи участвовал также ансамбль «Стиль пяти». Мы работали с композитором и аранжировщиком Евгением Стецюком. Вокальный цикл «Отчалившая Русь» Георгия Свиридова вышел в июле месяце, а опера «Риголлето» как раз в день смерти Димы 22-го ноября. К сожалению, он так и не узнал, что «Отчалившая Русь» была выдвинута американской академией звукозаписи на премию «Грэмми». Я получил извещение об этом на свой мейл в день его похорон, когда мы мы были на ужине. Я взял микрофон и сообщил об этом его родителям. Это вызвало море эмоций и слез.

Надеюсь, что мы выиграем «Грэмми» и это будет очень достойно. Это будет достойно памяти этого человека. Важно, что на соискание премии «Грэмми» была выдвинута запись, которую он сделал с огромной любовью и трепетом и о которой мечтал. Он успел осуществить свое желание, которое возникло у него тогда, когда он узнал о своем диагнозе. Он так и сказал: «Я должен сделать две вещи, - записать Свиридова и Риголлето». Я не назвал бы его последний диск итогом всей его жизни, я назвал бы его музыкальным завещанием великого Дмитрия Хворостовского.

<http://sobesednikarmenii.ru/>